

Ю. Б. Циркин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ФИНИКИИ

Проблема социально-политической структуры древних обществ является в последнее время одной из наиболее обсуждаемых в советской науке. Хотя Финикия играла довольно значительную роль в политической, культурной и особенно экономической истории древнего Средиземноморья, внутреннее устройство финикийских городов привлекало сравнительно мало внимания, что во многом объясняется недостатком источников. Но все же при их относительной скудости можно, как нам думается, представить себе некоторые черты социально-политической структуры финикийских городов Восточного Средиземноморья, т. е. собственно Финикии, оставляя в стороне города Кипра.

При рассмотрении социально-политической структуры Финикии бросается в глаза ее сходство со структурой Греции. Как и Эллада, она была небольшой страной, разделенной на несколько государств, и никогда в период своего независимого или полузависимого существования не обрела ни экономического, ни политического единства. Каждое такое государство представляло собой город *par excellence* с окружающей его территорией. В ассирийских анналах при обозначении таких финикийских государств используется идеограмма URU/KUR «город-страна». Экономика страны была довольно разнообразна, но все же вследствие природных условий собственное земледелие далеко не всегда обеспечивало потребности общества. Это вело к резкому увеличению роли торговли. Финикийская экономика рано приобрела товарный характер (хотя монета там появилась сравнительно поздно), и эта товарность финикийского хозяйства сближает его с греческим. В жизни финикийцев, как и в жизни греков, огромную роль играло море. Финикийские мореходы и их корабли были широко известны в древности. Еще в первой половине XV в. до н. э. Тутмос III для ведения операций на Евфрате приказал именно в финикийском Библе построить корабли, которые затем были на колесницах перевезены к реке (ANET, p. 240). А почти тысячелетие спустя другой фараон — Нехо поручил финикийцам совершить плавание вокруг Африки (Herod. IV.42). Развитие торговли и мореплавания получило естественное продолжение в заморской колониальной экспансии, в которой финикийцы могли сравняться опять же с греками.

Однако заметно и весьма важное различие двух стран. В Греции события конца II тыс. до н. э. нарушили ход исторического развития. Не входя в детали общественного устройства Эллады в тот период, можно сказать, что на рубеже тысячелетий оно, по-видимому, нивелировалось на уровне позднеродового строя. В Финикии же, несмотря на некоторые

разрушения, перерыва в развитии общества не произошло¹: история Финикии XII—IV вв. до н. э. представляет прямое продолжение предыдущего развития. В Греции колонизация совпала с процессом становления античного общества, в Финикии она развертывалась в условиях существования старого общества. Эти ясные с первого взгляда черты сходства и различия не дают оснований ни для утверждения, ни для отрицания принципиальной однотипности греческого и финикийского обществ. Необходимо рассмотреть внутреннюю структуру финикийских городов.

Для этого мы обратимся к периоду XII—IV вв. до н. э., т. е. ко времени от нашествия «народов моря» до завоевания Финикии Александром. Поэтому мы не используем, с одной стороны, данные египетских и иных источников III—II тыс. до н. э., в том числе Телль эль-Амарнского архива, а с другой — материалы эллинистической эпохи. В избранный нами период финикийские города порой подчинялись царям Ассирии, Вавилона и Персии, но это не приводило к таким изменениям экономической, социальной и политической структуры, как включение в мир эллинизма.

Политическим строем финикийских городов была монархия, и трон, естественно, передавался по наследству, хотя в истории этих городов не раз происходили перевороты и узурпации. Финикийские цари обладали значительной властью. Связи между государствами были связями между царями. Они посылали поздравления по случаю восшествия на престол, обменивались дарами, заключали между собой союзы, как это делалось, например, между тирским царем Хирамом и сначала Давидом, а затем Соломоном (II Sam. 24.6—2; I Reg. 5.1—12). Если города были вынуждены уплачивать дань, как это было на протяжении значительной части I тыс. до н. э., то от имени государства это делали цари. Во время войн цари возглавляли (или, по крайней мере, могли возглавлять) армию и флот. Они это делали и во времена независимости, как Матебаал, царь Арвада, в битве при Каркаре (ANET, p. 279), и в периоды подчинения, участвуя, например, в походе Ксеркса на Грецию (Herod. VIII.98).

В своих надписях цари стремились представить себя праведными и справедливыми. Это включало в первую очередь заслуги перед богами, для чего монархи воздвигали или перестраивали храмы и алтари, и это было важнейшей царской обязанностью, ибо обеспечивало благосостояние государства. Библийский царь Йехавмилк в одной надписи (KAI, 10) особо подчеркивает свою праведность и благодарит «Владычицу Библа» за то, что она в ответ на его дары и моления услышала его голос и даровала мир и милость перед богами, народом страны и другими царями. Именно внешнеполитическая, военная и религиозно-строительная деятельность царя, обеспечившая процветание Сидона, выделяется в надписи Эшмуназора II середины V в. до н. э. (KAI, 14)².

В надписи на саркофаге Ахирема Библийского (KAI, 1) говорится, что если какой-либо царь из царей, либо *сукйн* из *сукйнов*, либо командующий лагерем откроет саркофаг, то будет сломан жезл его судейства, опрокинут трон его царствования и мир убежит из Библа. Лаконичность надписи и редкость упоминания *сукйна* в финикийской эпиграфике не дает возможность точно определить значение этой должности. В Угарите «сакинну» было обозначением различных должностных лиц, причем *сакинну*

¹ Vaux R. de. La Phénicie et les Peuples de la Mer // Mélanges de l'Université Saint-Joseph. 1969. T. XLV. P. 486—492; Röllig W. Die Phönizier des Mutterlandes zur Zeit der Kolonisierung // Die Phönizier im Westen. Mainz am Rhein, 1982. S. 15—28.

² Faber A. On the Structural Unity of the Eshmunazor Inscription // JAOS. 1986. V. 106. № 3. P. 428.

Угарита возглавлял общинное самоуправление этого города³. Говоря о библском *сукіне*, И. Н. Винников, приводя палестинские параллели, предположил, что это — высший чиновник, в руках которого сосредоточена по преимуществу судебная власть⁴. В известной мере подтверждением этой гипотезы может служить то, что если в надписи трон относится к царю, а мир к военачальнику, то судебный жезл, видимо, связан с *сукійном*. Нам в данном случае важно то, что *сукійн* упомянут между царем и начальником лагеря. Между тем руководство военными предприятиями находилось, как об этом уже говорилось, в руках царя. Так что военачальник — уполномоченный именно царя. Учитывая такое окружение, можно говорить, что и должность библского *сукіна* входит в царскую сферу.

Можно предположить, хотя бы в виде осторожной гипотезы, что в данном случае речь идет о разных ипостасях царской власти — таких, как абстрактное «царствование», которое, как и в Угарите, переходило к человеку, занимавшему в данный момент трон⁵, имевшему административно-судебные полномочия и военно-полицейские функции. Все это входило в круг деятельности царя.

Царской прерогативой была и чеканка монеты. Монеты стали выпускать в Финикии довольно поздно, только с середины или конца V в. до н. э., когда финикийские города находились под властью Ахеменидов⁶. Делали это именно цари. Когда на монете появлялись (что делалось не всегда) какие-либо легенды, то это были имена местных царей, часто не полностью, а в виде инициалов⁷. Порой их сопровождали цифры. Цифры эти были невелики, не выходили за пределы двух десятков, поэтому можно согласиться с мнением, что они обозначали годы правления самих царей, а не, скажем, эру города⁸. Из этого видно, что в финикийских городах монету выпускал не коллектив, как, например, в соседней Иудее, а монарх⁹, хотя он и был подчинен верховному суверену, который, как считают некоторые исследователи, изображался на реверсе сидонских монет¹⁰.

³ Шифман И. Ш. Угаритское общество XIV—XIII вв. до н. э. М., 1982. С. 262—282.

⁴ Винников И. Н. Эпитафия Ахирама Библского в новом освещении // ВДИ. 1952. № 4. С. 143. сл., 149.

⁵ Шифман. Ук. соч. С. 286 сл.

⁶ Harden D. The Phoenicians. Harmondsworth, 1980. P. 157.

⁷ Hill G. F. Catalogue of the Greek Coins of Phoenicia. L., 1910.

⁸ Зограф А. Н. Античные монеты. М.—Л., 1951. С. 87. Правда, было высказано предположение, что в Арваде в отличие от других финикийских городов «хозяином» монеты был не царь, а город: на монетах ранней серии, датированной концом V — началом IV в. до н. э., выбиты буквы «мем» и «алеф», и было предположено, что первая буква является префиксом происхождения, а вторая — инициалом города, и, следовательно, все это переводится «из Арвада». Одновременно существовало и мнение, что это — сокращение mlk 'rd — царь Арвада (Hill. Op. cit. P. XXIII). Последнее представляется более верным. Например, в Библие мы встречаем полное имя царя Элибаала и букву «мем», явно обозначающую сокращенно слово «царь». В том же Арваде на некоторых монетах середины IV в. до н. э. при буквах «мем» и «алеф» имеются и цифры 15 или 16 (ibid. P. 94. № 2; P. 9. № 55), что явно указывает, как уже говорилось, на годы царствования. Так что в разбираемом случае «алеф» был, вероятнее всего, началом не слова «Арвад», а имени царя.

⁹ Naster P. Les monnayages satrapaux, provinciaux et régionaux dans l'Empire perse face au numéraire officiel des Achéménides // State and Temple Economy in the Ancient Near East. T. II. Leuven, 1978. P. 600.

¹⁰ Bondi F. Istituzioni e politica a Sidone dal 351 al 332 av. Cr // RSF. 1974. T. II, 2. P. 155—156.

Царь, вероятно, был особенным образом связан с божеством. В центре общефиникийского пантеона стоял, по-видимому, Эшмун, но в каждом городе было и свое божество, особо этому городу покровительствующее. Именно оно, как кажется, и облекало «царствованием» конкретного царя. Недаром царь Библа Йехавмилк утверждал, что его сделала царем «Владычица Библа», хотя он и принадлежал к уже царствовавшей династии и законно наследовал отцу (КАI, 10). Означает ли это, что на протяжении всего интересующего нас времени нарастала сакрализация царской власти и это привело к соединению царского и жреческого достоинства и обожествлению царя¹¹? О последнем предположении надо сразу сказать, что никаких сведений об обожествлении царя в городах Финикии мы не имеем, да и вообще до эллинизма в Западной Азии, как правило, царя не обожествляли (немногие исключения только подтверждают это правило). Сложнее обстоит дело с жреческими функциями монарха.

Сторонники такой точки зрения обычно ссылаются на надпись сидонского царя Табнита (КАI, 13), в которой он, приводя свой титул и титул отца, на первом месте ставит жреческое достоинство: «Я, Табнит, жрец Астарты, царь сидонян, сын Эшмуназора, жреца Астарты, царя сидонян». Жрицей Астарты была также жена и сестра Табнита Амастарт (КАI, 14). Но против тезиса о нарастании сакрализации царской власти говорит то, что сын Табнита и Амастарт Эшмуназор II уже не отмечает не только собственное жречество, но и жречество отца и деда (КАI, 14). Видимо, упоминания в сидонских надписях жреческого достоинства двух царей объясняются конкретными обстоятельствами, сложившимися в Сидоне.

Обратимся к Тиру. Юстин (XVIII.4.5) говорит, что Ахерб, жрец Геркулеса, т. е. Мелькарта, бога-покровителя Тира, был вторым лицом в государстве после царя. Но царь и жрец в Тире столкнулись в борьбе за власть. Победителем стал царь Пигмалион, казвивший Ахерба (Юстин. XVIII.4.8). Жена казненного жреца, сестра царя Элисса, бежала и основала Карфаген. Сам Пигмалион был правнуком жреца Астарты Итобаала, который в свое время убил царя Фелета и занял трон (Ios. contra Arr. I.18). Таким образом, царь и верховный жрец — это две самостоятельные фигуры. Они могли порой вступать в конфликт друг с другом. Мы знаем примеры, когда в этом конфликте победил царь (Пигмалион победил Ахерба), и когда, наоборот, жрец (Итобаал — Фелета). Возможно, что последний случай мог иметь место в Сидоне, и тогда понятна концентрация в одних руках и жреческих, и царских функций. Заметим, однако, что внук Эшмуназора I не только сам не был жрецом (по крайней мере, он об этом ничего не говорит в надписи), но и не упоминает о жречестве отца и деда. Не был жрецом и Пигмалион, правнук Итобаала. Принципиальный дуализм светской и духовной власти восстанавливался. Поэтому нельзя говорить о сакрализации царской власти в I тыс. до н. э. Царь оставался в принципе светской фигурой.

Таким образом, во всей светской сфере власть царя была довольно значительной, он явно господствовал в государстве, и его нельзя считать лишь пожизненным магистратом наподобие спартанского царя. И все же, несмотря на свою значимость, царская власть не имела характера деспотии.

Одновременно с властью царя в финикийских городах существовала община, τὸ κοινόν, как называет тирскую общину Арриан (II.15.6).

¹¹ *Moscatti S. I Fenici e Cartagine. Torino, 1972. P. 668.*

Роль общины и ее органов была довольно значительна¹². Когда в Библи прибыли чекеры, чтобы потребовать выдачи Ун-Амуна, царь Библи Чекер-Баал, прежде чем принять какое-либо решение, собрал совет и, как это видно из контекста, только с его согласия дал пришельцам лукавый ответ, отказавшись выдать Ун-Амуна, но посоветовав задержать того в море после отплытия из Библи (2.70—74)¹³. В договоре тирского царя Баала с Асархаддоном наряду с царем упоминается «народ» или люди «страны Тира». В надписи на саркофаге Эшмуназора в Сидоне предостерегаются от открытия саркофага «всякий царь и всякий человек» (KAI, 14). Здесь под «человеком» надо подразумевать не каждого встречного, а члена сидонской общины.

С общиной царь должен был считаться. Во время финикийского восстания против персов в 351 г. до н. э. сидонский царь Теннес, сначала возглавивший, а затем предавший восстание, не решился просто сдать город Артаксерксу. Для исполнения своего плана он должен был не только сначала покинуть Сидон, но и увести с собой под благовидным предлогом сто, по-видимому, наиболее влиятельных граждан. Да и после этого, только вступив в сговор с командующим наемниками Ментором, он сумел ввести в город персидскую армию, которой сидонские граждане оказали ожесточенное сопротивление (Diod. XVI.43—45). В том же Сидоне через 18 лет царь Стратон (Абдастарт) II, как пишет Курций Руф (IV.1.16), сдал город Александру «не столько по своей, сколько по народной воле».

Как же народ свою волю выражал? Логично предположить, что граждане собирались на народные собрания. Правда, прямые свидетельства их существования в самой Финикии относятся только к эллинистической эпохе¹⁴. Но имеется интересное сообщение Геродота (VII.23): финикийцы, как и другие подданные Ксеркса, согнанные на строительство канала, устроили на близлежащем лугу рынок и площадь для собраний. Таким образом, оторванные от родины, финикийцы сразу же организовали определенный коллектив со своим собранием. Именно тирская община, по Арриану (II.15.6), отправила послов к Александру, и решить вопрос об этом можно было именно на собрании. Несомненно, это было то собрание «у ворот» города, какое существовало и у западных финикийцев, будучи перенесенным из метрополии¹⁵.

Наряду с собранием существовал и совет. Видимо, такой совет и был создан, как уже говорилось, Чекер-Баалом для решения судьбы Ун-Амуна. Старейшины Библи (zignē Gēbāl), правда в несколько неясном контексте, упоминаются в пророчестве Иезекиила (27.9). В договоре Баала с Асархаддоном говорится о «старцах страны» и совете¹⁶. О тирских сенаторах пишет Юстин (XVIII.4.15).

Каков был точно круг полномочий общины и ее органов, мы не знаем. Но обратим внимание на те случаи, когда община или старейшины дей-

¹² Ср. Bondi. Op. cit. P. 159—160; Reviv H. On urban representative institutions and self-government in Syria—Palestine in the second half of the second millenium B. C. // Journal of the economic and social history of the Orient. 1969. V. XII. Pt III. P. 269 f.

¹³ Все цитаты из «Путешествия Ун-Амуна в Библи» даны в переводе М. А. Коростовцева по кн.: Путешествие Ун-Амуна в Библи / Издание текста и исследование М. А. Коростовцева. М., 1960.

¹⁴ Szyner M. L'«Assemblée du Peuple» dans les cités puniques d'après les témoignages épigraphiques // Semitica. 1975. T. XXV. P. 51—54.

¹⁵ Seston W. Remarques sur les institutions politiques et sociales de Carthage, d'après une inscription latine de Thougga // CRAI. 1967. P. 218—222.

¹⁶ Pettinato G. I rapporti politici di Tiro con l'Assiria alla luce del «trattato tra Asarhaddon e Baal» // RSF. 1975. V. III, 2. P. 151—154.

ствуют. Все дела с египетским посланцем Чекер-Баал вел, не спрашивая ничьего совета. А советников собрал, когда в библский порт прибыли корабли чекеров. До этого Ун-Амун долго находился в порту Библа, а царь неоднократно требовал от него покинуть город, но ни разу не применил силы для подкрепления своего требования. Видимо, порт обладал определенным положением¹⁷: царь не мог выгнать оттуда нежелательного чужеземца, а для решения вопроса о требованиях чужих корабельщиков, вошедших в порт, требовалось мнение совета.

Много позже Теннес, прежде чем сдать Артаксерксу и выдать ему введенных им аристократов (а их уводом он явно обезглавил общину, на что и рассчитывал), должен был покинуть город и найти такое место, где уже не действовала бы юрисдикция общины. Тирская община в отсутствие царя была вынуждена сама вступить в переговоры с Александром, но в это время македоняне уже явно заняли материковую часть Тирского государства: послы предложили царю, пожелавшему принести жертвы Гераклу-Мелькарту, сделать это в храме бога, расположенном в находящемся на материке Палетире, и это вызвало гнев Александра (Curt. Ruf. IV. 2.3—5). Объяснение предложения тирийцев Курций Руф дает несколько выше (IV. 2.2), говоря, что Тир охотнее вступил бы с царем в союз, чем признал его власть; видимо, принесение жертвы в храме бога-покровителя означало признание власти завоевателя. Палетир же явно и так уже был в его власти. Представляется, что захват македонским царем материковых территорий государства для самих тирийцев еще не означал признания власти Александра: для тирской общины было важно, чтобы тот не вошел в сам город.

Из этих фактов мы делаем вывод, что полномочия общины и ее органов распространялись непосредственно только на главный город (и, разумеется, прилегающие к нему участки граждан). Община не могла выступать от имени всего государства. Не имела она и внешнеполитической инициативы. Ее поведение при наступлении Александра было вызвано исключительными обстоятельствами: царь находился на персидском флоте, и ждать его было невозможно, так как завоеватель уже стоял у самых стен Тира и надо было спасать город (именно город, а не все государство). Да и при этом в посольство, отправленное к Александру, был включен сын царя, явно для придания посольству хоть какой-то законности.

В городе, столице государства, царь был вынужден считаться с общиной. Общинные органы занимались местными делами, в которые царь не вмешивался без согласия этих органов. Община, по крайней мере порт, по-видимому, обладала правом убежища, которое царь не мог по своей воле нарушить.

Однако под властью каждого финикийского царя находилась более обширная территория, нежели сам город, давший имя царству. И на этой территории имелись другие города. Так, например, во время своего похода против царя сидонян Лули (Элулая), который, как сейчас считают, стоял во главе объединенного Тиро-Сидонского государства, ассирийский царь Сеннахериб отнял его «сильные города»: Большой Сидон, Малый Си-

¹⁷ Bunnens G. La mission d'Ounamon en Phénicie. Point de vue d'un non-égyptologue // RSF. 1978. V. VI, 1. P. 13. Если принять убедительное предположение, что фраза Иезекиила «старейшины Библа и мудрецы его укрепляют твои (т. е. Тира) пробоины» означает, что тирские корабли имели право захода в Библ для ремонта, а библиты должны были оказывать тирским морякам содействие (Гельцер М. Л. Финикия на рубеже VII—VI вв. до н. э. // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М., 1962. № 46. С. 199), то надо считать, что библские старейшины руководили портом и в середине I тыс. до н. э.

дон, Бит-Зитти, Зарибону, Маххалибу, Ушу (т. е. Палетир), Ахзлб, Акко (ANET, p. 287). Много позже персидский царь даровал сидонскому царю Дор и Яффу в плодородной долине Шарона (КАИ, 14). Можно говорить и о других городах, подчиненных тому или иному царю. Частью Тирской державы были, видимо, основанные Тиром колонии, кроме Карфагена.

Иосиф Флавий со ссылкой на Менаандра, переведшего на греческий язык тирские анналы, говорит об экспедиции тирского царя Хирама против города (его название в дошедшем до нас тексте испорчено, но обычно полагают, что это африканская Утика), отказавшегося платить дань (Contra App. I.18; Ant. Iud. VIII.5.3). И. Ш. Шифман справедливо рассматривает это сообщение как доказательство того, что и другие города платили тирскому царю дань, причем эту дань он помещает среди повинностей именно царю¹⁸.

Правитель кипрского Карфагена, носивший титул *сукин*, называет себя «рабом царя сидонян Хирама» (КАИ, 31). Разумеется, едва ли надо считать этого высокопоставленного чиновника настоящим рабом¹⁹, но употребленное выражение свидетельствует о его подчиненности именно царю, а не Сидону (или Тиру).

И Библия (I Reg. 9.11—13), и Иосиф Флавий, опирающийся, видимо, на библейские данные (Ant. Iud. VIII.5.3), рассказывают, что Соломон за услуги тирского царя по строительству храма и дворца не только ежегодно поставлял в Тир хлеб, вино и масло, но и передал ему в качестве дара 20 городов Галилеи, лежащих недалеко от Тира. Однако тирский царь Хирам, посмотрев эти города, отказался от них, ибо они ему не понравились. Для нас сейчас важно не развитие отношений между царями Тира и Иерусалима и не причины такого дара, а то, что и передача галилейских городов, и отказ от них были только делом царей. Отказываясь от этих городов, Хирам исходил лишь из собственного желания: правятся они ему или нет. Ни о какой роли граждан Тира нет и речи.

Таким образом, можно говорить, что за пределами собственно города с его ближайшей округой царь выступал абсолютно самостоятельно, не считаясь с городской общиной столицы.

Существовала ли общинная организация в подчиненных городах? По-видимому, да. Если верно восстановление надписи на скарабее, датированном около 400 г. до н. э. и найденном в Сарепте, как 'm šrpt — «народ Сарепты», то в городе, который принадлежал сначала Сидону, а затем Тиру, явно существовала община²⁰. Едва ли надо сомневаться в наличии гражданских коллективов в далеких заморских колониях Тира.

В Угаритском царстве существовала система отношений между господствующей общиной самого Угарита и остальными общинами²¹. О наличии такой системы в финикийских городах I тыс. до н. э. нет сведений. Разумеется, отсутствие сведений не означает отсутствия самого явления. И все же поведение Хирама в отношении галилейских городов позволяет предполагать, что отношений господства и подчинения между общинами

¹⁸ Шифман И. Ш. К характеристике царских повинностей в Палестине в первой половине I тысячелетия до н. э. по данным библейской традиции // ВДИ. 1967. № 1. С. 41.

¹⁹ Он же. Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции // ВДИ. 1964. № 3. С. 55.

²⁰ Bondi S. F., Guzzo Amadasi M. G. Rez.: J. B. Pritchard. Sarepta. Philadelphia, 1975 // RSF. 1977. V. V, 1. P. 97. Если принять отвергаемое авторами рецензии восстановление Ж. Тейшидора «десять Сарепты», то это тоже говорит о какой-то общинной коллегии.

²¹ Шифман. Угаритское общество... С. 271 сл.

Тира и подчиненных городов не было. Власть над ними находилась в руках царя.

Таким образом, в финикийских государствах существовал определенный политический дуализм, предполагавший сосуществование царской власти и системы общин, с которыми царь делил власть непосредственно в самих городах, но не за их пределами или вообще в государстве. Такой дуализм соотносился с двойственностью социально-экономических отношений.

С одной стороны, несомненно наличие царского сектора экономики. В него явно входил лес: и Чекер-Баал Библский, и Хирам Тирский рубили кедры, кипарисы, сосны, отправляя их в Египет, Израиль или какие-либо другие страны, никого не спрашивая и явно исходя из своего права собственности. Была ли добыча леса вообще царской монополией, мы не знаем. Сведений о нецарских порубках нет, что, однако, не является доказательством их отсутствия. Можно только предположить, что царь стремился обеспечить за собой если не монополию, то все же значительную долю в добыче и вывозе леса, который издавна был основным экспортным товаром Финикии.

В царский сектор входили корабли и ведущая на них морская торговля. Корабль царя Баала упоминается в договоре этого монарха с Асархаддоном²². О кораблях Хирама (а не Тира), ходивших в Офир и Таршиш, сообщает Библия (I Reg. 10.11; 22). Много о тирских кораблях говорит Иезекиил (27.5—9), но его пророчество относится вообще к Тиру, и он поэтому не делает никаких различий между судами тирийцев и их царя. Но в следующей главе (28) речь идет уже непосредственно о тирском царе, который умножил свое богатство мудростью и торговлей, и «от обширности торговли... внутреннее (его) исполнилось неправды, и» он «согрешил». Следовательно, и у Иезекиила царь Тира выступает если не единственным, то главным торговцем своего города.

Царю принадлежали и какие-то земли, продукты которых он также мог пускать в торговый оборот. В Палестине найдено несколько финикийских кувшинов с надписями, содержащими собственное имя (вероятно, название места) и обозначение l-mlk, т. е. «царя»²³. Полагают, что в Палестине вообще использование на кувшинах царских обозначений идет из Финикии²⁴. В Самарии был обнаружен сосуд середины VIII в. до н. э. с именем Милькирама, которого считают неизвестным дотоле царем Тира²⁵.

Судя по тому, что нам известно о царских ремесленниках, о чем пойдет речь ниже, можно говорить, что царь располагал и ремесленными мастерскими.

Таким образом, царский сектор охватывал все отрасли хозяйства, в том числе такие важные, как заготовка леса и морская торговля, чем особенно славилась Финикия.

В царский сектор входили, естественно, и люди, прежде всего — рабы. Конечно, словоупотребление на Востоке вообще и в Финикии и Палестине в частности (а во многом приходится пользоваться не столько собственно финикийскими, сколько библейскими сведениями) было в этом плане не очень-то точным, и всякий раз, когда упоминаются рабы, нельзя быть полностью уверенным, что речь идет именно о людях, бывших полной собствен-

²² Pettinato. Op. cit. P. 151—154.

²³ Delavault B., Lemaire A. Les inscriptions phéniciennes de Palestine // RSF. 1979. V. VII, 1. P. 15, № 25.

²⁴ Teizidor J. Bulletin épigraphique // Syria. 1970. T. XLVII. P. 358—359.

²⁵ Delavault, Lemaire. Op. cit. P. 21, № 43.

ностью хозяина, в данном случае — царя. Но есть ряд свидетельств в пользу этого. Так, Чекер-Баал, получив от Ун-Амуна плату за будущую поставку деревьев, отправил на Ливан 300 мужчин и 300 быков и поставил над ними надсмотрщиков, чтобы они рубили деревья (2.42—43). Наличие надсмотрщиков ясно говорит о несвободном статусе лесорубов. Соломон, готовясь к постройке храма, просил Хирама отправить лес вместе со своими рабами и его рабов, обещая при этом заработок рабов отдать непосредственно самому царю (I Reg. 5.6). То, что заработок идет хозяину, свидетельствует о рабском положении этих людей²⁶.

Но имеются и иные факты. Мы видели, что царь располагал кораблями. И вот Хирам отправил в Офир «на корабле своих рабов, людей, опытных в море, вместе с рабами Соломона» (I Reg. 9.27). Экипаж делился на собственно моряков, гребцов и кормчих (Ez. 27.8—9; 26—29). Последних, а именно они были наиболее опытными в море, едва ли можно считать обычными рабами. Вероятно, перед нами «царские люди», которые были лично свободными, но их зависимость от царя выражалась словом «раб», как это обычно было на Ближнем Востоке в древности. То же самое можно думать и о гребцах. Иезекиил (27.8) называет тирских гребцов жителями (jošbē) Сидона и Арвада. Вероятнее всего, это были сидоняне и арвадцы, по тем или иным причинам покинувшие свои города и нанявшиеся гребцами в Тир. По-видимому, они выходили из негражданского населения этих городов, ибо обозначались они просто как «жители», в то время как нанявшиеся на военную службу арвадцы тем же Иезекиилом (27.11) именуется «сыновьями Арвада» (benē 'Arwad), как обычно обозначаются граждане.

Иноземные воины, в данном случае арвадцы, включались в войско наряду с местными жителями. Они, будучи гражданами хотя и другого города, возможно, занимали более высокое положение, чем гребцы. И все же занимать положение, равное тирским воинам-гражданам, они явно не могли. Поскольку военное дело было прерогативой царя, а не общины, воины-наемники находились на царской службе и, следовательно, тоже были «царскими людьми», хотя и более высокого ранга.

Среди «царских людей» были и ремесленники. Таковым явно был Хирам, тезка царя, которого тирский монарх послал Соломону для строительства храма и который выступал и как архитектор, и как медник, и как резчик, и как ювелир (I Reg. 7.13—45; II Chron. 2.7—18; Ios. Ant. Iud. VIII.3.4). Автор первой «Книги царей» рассказывает об этом Хираме: он был сыном еврейки из колена Нефталимова, видимо, переселившейся в Тир, и тирийца, бывшего медником. Будучи тирийцем только наполовину, Хирам и не мог, видимо, быть гражданином Тира. Этот случай, как и указания на гребцов и воинов, приоткрывает нам путь формирования «царских людей»: из лиц, социально неполноценных, и из иностранцев, по тем или иным причинам в данный город переселившихся. Сам Хирам, как и его отец, был медником (Библия, рассказывая о его прибытии в Иерусалим, подчеркивает его умение делать всякие вещи из меди). Это может говорить о наследовании профессий среди царских ремесленников.

Возможно, что не собственно рабами, а «царскими людьми» были те работники Хирама и библиты (характерно, что упоминаются последние только по названию города), которые вместе с работниками Соломона готовили строительство храма (I Reg. 5.18)²⁷. Их положение могло напо-

²⁶ Ср. Шифман. Правовое положение рабов... С. 56.

²⁷ Там же. С. 56.

минать положение так называемых «ремесленников» Нового Карфагена, которые были не собственно рабами, но особой группой зависимого населения²⁸, что, видимо, было наследием восточного происхождения Карфагена.

Однако при всем своем значении царский сектор и в экономике не был единственным. Если можно думать о царской монополии на лес, то такой монополии на флот у царя явно не было. В договоре Баала с Асархаддоном говорится не только о кораблях царя, но и о кораблях «людей Тира»²⁹. Сухопутная торговля в значительной степени осуществлялась частными купцами, подобными тем, кто оставил свои имена вдоль торговой дороги, идущей от Газы к Аккабскому заливу³⁰. На сосудах порой встречаются надписи, сделанные до обжига, которые сообщают имена, вероятнее всего, ремесленников, изготовивших эти сосуды, и все они — частные лица. Другие надписи на таких же сосудах (чаще всего — кувшины из-под вина или масла) сделаны после обжига и содержат предлог *l-*, обозначающий принадлежность. Видимо, речь идет о хозяине содержимого, т. е. землевладельце³¹. Ремесленник Эшмуназор, сын Асто, выгравировал свое имя на золотой чаше, найденной в Пренесте в Италии³². Все эти люди отношения к царям не имели. Учитывая существование в финикийских городах общины, их можно считать общинниками.

Приведенные выше данные Иезекиила свидетельствуют о том, что среди общинников надо, по-видимому, различать полноправных граждан — «сынов города» и неполноправных «жителей». В какой степени «жители» были допущены к хозяйству общины и были ли допущены вообще, мы не знаем.

О взаимоотношениях двух секторов в самих финикийских городах также нет сведений. Но Библия донесла до нас любопытный рассказ о попытке израильского царя Ахава приобрести виноградник некоего Навуфея (I Reg. XXI): он хотел купить виноградник, но владелец отказался продать, и тогда жена царя Иезавель сумела ложно обвинить строптивного землевладельца в государственной измене, за что тот был казнен, а царь сумел завладеть желанным виноградником. В свое время И. М. Дьяконов истолковал этот эпизод как доказательство отсутствия верховной собственности царя на землю в Израиле и права общинника удержать землю: чтобы приобрести землю общинника, царь должен был ее купить, а тот мог и не продать (правда, с риском для жизни)³³. Конечно, дело происходило в Израиле, но Иезавель была дочерью тирского царя Итобаала, и С. Москати справедливо подчеркивал финикийское происхождение израильской царицы³⁴. В правление Ахава в Израиле вообще резко усилилось политическое и культурное влияние Тира³⁵. Так что совет Иезавели был, возможно, плодом не только ее коварного ума, но и опыта, полученного на родине.

Этот поступок Иезавели вызвал страшное негодование в Израиле, и Библия донесла до нас ту жгучую ненависть, какую питали к этой царице израильтяне, и восторг по поводу ее страшной смерти и даже того,

²⁸ Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1986. С. 98.

²⁹ Pettinato. Op. cit. P. 151—154.

³⁰ Delavault, Lemaire. Op. cit. P. 28—29. № 52—55.

³¹ Ibid., passim.; Gibson J. C. L. Textbook of Syrian Semitic Inscriptions. V. III. Oxf., 1982. № 19.

³² Harden D. The Phoenicians. Harmondsworth, 1980. P. 109, 180.

³³ Дьяконов И. М. Проблемы собственности. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н. э. // ВДИ. 1967. № 4. С. 22.

³⁴ Moscati. Op. cit. P. 652.

³⁵ Geschichte des jüdischen Volkes. Bd I. München, 1981. S. 152 f.

что ее не могли похоронить, ибо собаки растерзали почти весь труп (II. Reg. 9.10; 30—37), а захват собственности оклеветанного Навуфея рассматривался чуть ли не как главный грех Ахава (I Reg. 21.17—22). Видимо, в Израиле к таким поступкам еще не привыкли.

Но если Иезавель действительно подтолкнула своего мужа к таким действиям в Тире, то и там подобное не должно было проходить абсолютно беспрепятственно. Курций Руф (IV.4.20) говорит, что тирские земледельцы с оружием в руках искали себе новые поселения на чужбине. Не входя в объяснение этого факта римским историком, отметим, во-первых, сам факт восстания *cultores*, а во-вторых, что оно явилось одной из причин тирской колонизации. А сама эта колонизация, точнее — ее второй этап, началась именно при Итобаале, отце Иезавели. Поэтому можно полагать, что выступление земледельцев Тира пришлось на его царствование. Сопоставляя время выступления возмущенных земледельцев Тира и действия Иезавели, можно предполагать, что случай с Навуфеем не был единичным, что такая практика существовала при Итобаале. Если принять такое предположение, окажется, что положение И. М. Дьяконова об отсутствии верховной собственности царя на землю общинного сектора³⁶ надо распространить и на Тир I тыс. до н. э. Но Тир едва ли отличался в этом от остальных городов Финикии.

Таким образом, можно, как кажется, говорить, что в Финикии существовали два сектора как в политико-административной, так и в социально-экономической сфере. Царская власть, опирающаяся на собственную социально-экономическую базу, сосуществовала с системой общин, причем в политическом плане царю приходилось учитывать позицию стольного города, города как такового в противоположность остальным поселениям государства, хотя полномочия общины в принципе ограничивались самим городом. Такой дуализм был свойствен рабовладельческим обществам древнего Ближнего Востока, но он не был характерен ни для полисов классической Греции, ни для республиканского Рима, ни для финикийского Карфагена. Сравнение с последним особенно поучительно. Карфаген, основанный финикийскими переселенцами, вошел в систему античных государств Средиземноморья. Финикийские города метрополии остались в сфере древнего Востока, и это не столько потому, что из девяти рассматриваемых веков в течение четырех они входили в состав восточных империй, сколько вследствие восточного характера финикийского общества.

³⁶ Дьяконов. Ук. соч. С. 13—35.

SOME PROBLEMS OF PHOENICIA'S SOCIO-POLITICAL STRUCTURE

Yu. B. Tsyarkin

The co-existence during the XIIth — IVth centuries B. C. of two sectors, one royal the other communal, was typical of Phoenicia's socio-political order. In the political sphere absolute power belonged to the hereditary monarch, but in the city, power was shared out amongst the organs of the community. In the socio-economic sphere both sectors owned all fields of economic activity (or at least the most important ones), as well as the people. The royal sector did not only comprise slaves, but also «Royal Peoples». In contrast to Carthages, which was a typical ancient oriental city, Phoenician monarchs did not seem to own any land, which belonged to the Phoenician community.